

ФЕНОМЕН ЭМАНСИПАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

А. Ш. Гусейнов¹

Феномен эмансипации анализируется с позиций разных теоретико-методологических подходов. Автор предлагает рассматривать эмансипацию как одну из форм протеста. Отмечается недостаточная дифференцированность различных форм протеста в научном дискурсе; обсуждается эволюция, сущность и различные виды эмансипации, а также внешние и внутренние факторы, способствующие обретению личностной независимости или препятствующие ей.

Ключевые слова: активность и развитие личности, личностный рост, неприятие контроля, протест, эмансипация, автономность, личностная зрелость.

The phenomenon of emancipation is analyzed from the points of different theories and methodological approaches. The author offers to consider emancipation as one of the protest forms. In the article the insufficient differentiation of various forms of the protest in the scientific discourse is noted; evolution, essence and various types of emancipation, as well as the external and internal factors that contribute to the attainment of personal independence or prevent it are discussed.

Key words: activity and personal development, personal growth, rejection of the control, protest, emancipation, autonomy, personal maturity.

Явление протеста сопровождает активность человека на протяжении всего жизненного пути; протест играет заметную роль в становлении личности и взрослении, в процессе взаимоотношений со значимыми людьми. В настоящее время протест как феномен выступает предметом анализа многих социально-гуманитарных наук, причем часто исследуются социальные факторы, обуславливающие протестную активность различных групп. В психологии исследование феномена протеста носит фрагментарный характер.

Целесообразно выделить разные формы протеста, такие как оппозиция, недовольство, аномия, эскапизм, негативизм, эмансипация и др., которые мало описаны в научной литературе, недостаточно дифференцированы, ча-

¹ Гусейнов Александр Шамильевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Краснодарского государственного университета физической культуры, сервиса и туризма. Эл. почта: AGuseinov@yandex.ru

сто синонимизированы. Кроме того, в научном междисциплинарном дискурсе протест и его разновидности чаще рассматриваются в негативном свете. Функционирование разных форм протеста обычно сопряжено с внутренними противоречиями и внешними конфликтными условиями, «запускающими» их формирование и обуславливающими дезадаптации и деструктивное поведение. Напротив, реакция эмансипации, будучи малоисследованной формой протеста, занимает особое положение и заметно отличается от других видов протеста с выраженными негативными проявлениями, ограничивающими личностное развитие. Эта форма протеста (возможно, не единственная) имеет положительный смысл и часто употребляется в контексте независимости, свободы, ответственности. Вместе с тем в психологии девиантного поведения отмечается, что эмансипация может выступать движущей силой асоциального и антисоциального поведения [7; 13; 27].

В связи с этим попытаемся выявить специфику феномена эмансипации применительно к протестной активности, проследить ее конкретные проявления и эволюцию от незрелых форм к сформированным. Рассмотрение эмансипации как динамичного процесса предполагает устойчивый вектор личностной активности, обуславливаемый направленностью личности на самовыражение, утверждение собственной независимости и достижение личностной зрелости и автономии.

Исторически (филогенетически) и онтогенетически способность осознавать себя как личность и быть независимым сформировалась позже групповых, интерактивных форм активности [5; 12; 21]. Эмансипация как склонность и стремление к выделению себя, доминантности наблюдается и в животном мире. Этологи с давних пор интересуются условиями, позволяющими животным подняться на вершину иерархической пирамиды. Оказалось, что помимо агрессивности, настырности и желания выделиться, все остальные качества могут быть у доминанта любимыми [8]. К. Лоренц, прослеживая аналогии в поведении разных видов позвоночных и человека, ссылается на так называемые турнирные бои, которые обходятся без повреждения партнера, но позволяют в случае победы добиться независимости и доминирования в стае или стаде [14].

В Словаре русского языка эмансипация — это «освобождение от зависимости» [16, с. 807], в Словаре иностранных слов эмансипация (от лат. *emancipatio*) — освобождение от зависимости, предрассудков; уравнивание в правах [10].

Понятие эмансипации наиболее полно разработано в возрастной и глубинной психологии, где оно раскрывается как постепенное обретение личностной независимости и самостоятельности. Эмансипация, являясь имманентной силой развития, развивается согласно внутренней логике психического развития ребенка.

А.И. Божович утверждает: «Развитие ребенка имеет свои собственные закономерности, свою внутреннюю логику, а не является пассивным отражением действительности, в условиях которой это развитие совершается» [2, с. 144].

В то же время на эмансипацию, развитие тех или иных ее форм уже с рождения человека влияют многие социальные факторы, прежде всего взаимодействие с матерью. Психика младенца с момента рождения включена в общее бытийное пространство с другими людьми. А.С. Выготский не случайно называет младенца «максимально социальным существом», поскольку создающаяся благодаря изначальной беспомощности младенца социальная ситуация развития определяет активность младенца, его направленность к предметам окружающего мира посредством другого человека. По мнению ученого, ребенок, несмотря на физическое отделение от матери в период родов, биологически не отделяется от нее до самого конца младенческого возраста, пока не научится ходить, а его психологическая эмансипация от матери, выделение себя из первоначальной слитности с ней наступает только в раннем детстве. Основное новообразование младенческого возраста он обозначает термином «пра-мы», тем самым подчеркивая психическую общность младенца и матери, которая служит исходным пунктом дальнейшего развития сознания и выделению Я [5].

В глубинной психологии дано убедительное объяснение того, как зарождается личность, как младенцы прогрессируют от беспомощности и полной зависимости к самостоятельности и независимости, от состояния симбиоза и пассивности к физическому и эмоциональному разделению.

М. Малер, определяя фазу слитности ребенка с матерью как нормальную симбиотическую фазу — фазу со-зависимости, полагает, что уже на этой фазе беспомощный младенец, напрягая свое тело в ответ на раздражающие стимулы или неприятные ощущения от слияния с телом матери, делает неуверенные попытки к отделению и обретению собственной независимости [15, с. 23]. В период от двух до четырех месяцев ребенок начинает искать интеракций с матерью, его «комплекс оживления» и «специфическая улыбка» (улыбка, обращенная к матери), свидетельствуют об этом. По словам Р. Спитца, «появление реакции улыбки служит индикатором установления и синтеза психической организации на более высоком уровне сложности, чем тот, который преобладал до этого» [23, с. 100]. В это же время ребенок пробует кусать грудь, царапаться и проявлять излишнюю вербальную агрессию. Х. Хартман и вслед за ним Х. Когут утверждают, что данное поведение — признак стремления к самостоятельности и развитию собственного Я [9; 22]. Р. Спитц расширяет наши представления о формировании независимости младенца. Он убежден, что использование жеста — покачивания головой — не просто указывает на решение ребенка об отказе, но и свидетельствует о способности совершать мыслительную операцию отрицания, что «в свою очередь неизбежно будет

вести к формированию абстрактного понятия, лежащего в основе несогласия, первого абстрактного понятия, появляющегося в процессе мышления» [23, с. 40]. Применение способности рассуждать в обращении с внешним миром, выражение отказа без привлечения действия Р. Спитц называет мощным импульсом развития от первоначальной беспомощности и полной зависимости к большей автономии и независимости. М. Малер установила, что уже к четырем-пяти месяцам (субфаза отползания) младенец начинает дифференцироваться от матери и утверждать себя. Дальнейший процесс сепарации-индивидуации, сущностью которого является достижение отделения от матери, «протекает в ситуации возрастной готовности к независимому функционированию и сопровождается удовольствием от этого состояния» [15, с. 23]. В связи с этим М. Малер обращает внимание на защитную позицию ребенка в возрасте от 18 до 36 месяцев и его желание отстаивать свой, находящийся в становлении, приносящий удовольствие и ревностно охраняемый образ себя от посягательств матери и других значимых взрослых. Согласно ее мнению, «не любой импульс как таковой является сепарационным, а только внутренне заданный импульс, побуждающий к индивидуации, которая не может быть достигнута без автономной сепарации» [15, с. 31]. В то же время М. Малер и ее коллеги отмечают амбивалентность в поведении 18-месячных детей, которые «разрывались между желанием быть возле своих матерей и потребностью в независимости». Авторы подметили, что дети боятся появившегося чувства отдельности и, стараясь вытеснить его, ведут себя так, будто матери являются частью их самих. «Например, ребенок мог потянуть мать за руку, стремясь заставить ее взять тот предмет, который ему хотелось бы взять самому» (цит. по: [11, с. 303–304]).

Весомый вклад в понимание формирования эмансипации на самых ранних этапах онтогенеза внесли исследования Д. Стерна, которые показали, что отделение-индивидуализация и формирование self (self-объектной дифференциации) начинается в возрасте двух месяцев. Обосновывая существование автономии и независимости у младенца практически с рождения, Д. Стерн доказывает, что в четыре месяца утверждение независимости ярко проявляется в том, как младенец отводит взгляд, в семь месяцев — в жестах и интонациях голоса, а в два года — в словах. Ученый утверждает, что независимость проявляется во всех видах социального поведения, которые регулируют количество и качество вовлеченности [19].

Динамика формирования зависимости/независимости раскрывается в контексте «моделей привязанности», где надежные варианты привязанности обеспечивают построение внутренних структур и способствуют развитию уверенности и независимости. Дж. Боулби, ссылаясь на наблюдения М. Эйнсуорт, обращает внимание на важный фактор в развитии независимости в раннем возрасте — исследовательские экскурсии младенцев. Используя мать в качестве опоры, посредством «серии экскурсий» они могут исследовать окружаю-

щую среду. Обычно исследовательское поведение к восьмимесячному возрасту демонстрирует каждый младенец со здоровым паттерном привязанности. В случае отсутствия матери попытки освоения мира (экскурсии) становятся менее выраженными или прекращаются [3].

Существенные дополнения к рассматриваемой проблеме эмансипации вносит С. Лебовиси: «Качества привязанности являются долговременными», сформированные положительные модели привязанности способствуют уверенности в собственных силах на протяжении длительного времени [20, с. 472]. Этот вывод подтверждается ценным лонгитюдным исследованием младенцев с различными паттернами привязанности на протяжении всего периода детства вплоть до 15 лет. Н. С. Вейнфилд с коллегами обнаружили следующие различия в поведении исследуемых: при решении когнитивных задач дети с надежной привязанностью отличались бóльшим упорством и опорой на собственные силы, чем дети с нездоровым паттерном привязанности. В летних лагерях, вдали от родителей они демонстрировали дружелюбие и лидерство [30].

Многие ученые отмечают важность развития у ребенка стремления к независимости и поощрения матерью этой важной тенденции, способствующей поддержке и развитию самостоятельных форм поведения [11; 15; 18]. Однако мать, не имеющая собственной полноценной реализации, может препятствовать эмансипации и самостоятельности ребенка. Еще И. Бахофен в своем исследовании гинекократической эпохи выделил два противоположных аспекта материнства: с одной стороны, благодатное материнство, выражаемое в целостной и безграничной любви к ребенку; с другой — любовь-заботу, господствующее материнство, препятствующее формированию духовной независимости, способствующее инфантилизации. И. Бахофен пишет: «Как понятно нам теперь исключительное превознесение матери в картинах, рисуемых Гесиодом, изображающих ее непрерывную заботу и вечное несовершенство сына, возрастающего более физически, чем духовно, в покое и полноте, ... наслаждающегося уходом материнских рук вплоть до зрелого возраста» [1, с. 233].

Джойс МакДугалл выделяет важный нюанс диадных взаимоотношений, полагая, что мать постепенно, непреднамеренно может внушать своему младенцу специфическое состояние, а именно наркотическое отношение к ее присутствию и ее функциям по уходу за ним, формирующее тотальную зависимость у ребенка, губительно действующее на ростки независимости [29]. Аналогичный выход на внешние барьеры, препятствующие эмансипации, мы находим и у М. Малер, в частности в ее описании блокирования развития личностной автономии, исходящей от матери: «Вездесущая инфантилизирующая мать, которая препятствует внутреннему стремлению ребенка к индивидуации, обычно выражающемуся в автономном локомоторном функционировании его Эго, может задерживать развитие у ребенка способности разделять

Я и Другого, несмотря на прогрессивное или даже опережающее возраст развитие его когнитивных, перцептивных и аффективных функций» [15, с. 23].

Н.В. Самоукина, отмечая последствия негативного материнского проектирования, добавляет важное замечание: формирование сильного, автономного ребенка или, наоборот, сверхзависимого социального «калеки», зависит от меры активности матери, а также от силы и активности самого ребенка. В условиях психологического негативного проекта «в «силовом поле» сверхкритики и сверхконтроля потенциально слабый ребенок действительно становится «стертым», пассивным и покорным, как бы отдавая матери свою жизнь и самого себя. Сильный ребенок будет бороться за возможность самостоятельно строить себя и свою жизнь, преодолевая установки матери, и, повзрослев, уходит от нее» [18, с. 76].

Итак, стремление к самостоятельности и эмансипации является необходимым условием развития личности и фактором становления взаимоотношений со значимым окружением. Кроме того, именно реализация собственных эмансипационных тенденций (в противовес зависимости и привязанности) способствует формированию личностных структур и их гармоничному сочетанию. Нами предлагается структурная модель личности, состоящая из таких компонентов, как прото-Я, эндо-Я, собственно Я, экзо-Я и транс-Я [6, с. 93–94]. По мере взросления ребенок формирует эти компоненты и структуру личности в целом. Задача личности — формирование и принятие своего уникального образа целостной личности, а затем трансляция масштаба собственного образа на социум. Причем динамичная экспансия структуры собственной личности на социальное окружение должна соответствовать масштабу субъекта, т. е. способности человека влиять на соответствующее его потребностям и возможностям определенное количество людей (экспансия масштаба). Полагаем, что ребенок практически с рождения начинает влиять на мать и тем самым может управлять взаимодействием. Управление обучающим и есть функция экзо-Я — личностного образования, выделяемого нами в структуре личности и отвечающего за взаимодействие с другими, контроль над ними, а также за влияние и самореализацию. Специфика этого компонента личности состоит не только в его актуализация при внешних угрозах свободы, но и в использовании других людей для экспансии и реализации собственного потенциала и масштаба.

Отсутствие высших эмоций при преобладании низших, слабость самосознания, воли, изначальная беспомощность и зависимость делают младенца существом, проявляющим примитивное, архаическое, аффективное доличностное образование — прото-Я, в то же время актуализирующим экзо-Я. Депривация и безынициативность матери делают развитие экзо-Я ребенка лишенным объекта, т. е. ребенку нечем и нечем управлять. Напротив, формирование надежной привязанности и реализация стремления к эмансипации приводят к воз-

возможности перехода от управления другими (как желания их контролировать или зависеть от них) к самодетерминации поведения. Поэтому субстанция, структурный компонент Я, ответственный за самоконтроль и за самореализацию собственных желаний, формируется намного позже, обычно к трем годам. Однако в протесте структура Я не всегда успешно справляется с данной ролью регулятора и координатора, поскольку перегружена проблемами внутренних конфликтов и внешних ограничений, включая депривацию потребностей.

Многие авторы указывают на выраженные проявления различных форм эмансипации, в том числе с протестной составляющей, в периоды возрастных кризисов [2; 4; 5; 21; 25]. Протестные симптомы отражают потребность развивающейся личности в отделении от родителей, внутреннюю тенденцию к самостоятельности. К трем годам у ребенка появляются собственные желания, непосредственно не совпадающие с желаниями взрослых. В раннем возрасте между желаниями ребенка и взрослых не было особых расхождений. Если ребенок хотел чего-то недозволенного, взрослые могли быстро переключить его внимание на другой привлекательный предмет. К трем годам желания ребенка становятся определенными и устойчивыми, что подтверждается настойчивыми словами «Я хочу», к этому времени им уже усвоены первичные навыки контроля и саморегуляции. На пути к независимости необходима перестройка системы отношений: из объекта, воспроизводящего действия взрослого, он должен превратиться в субъекта, самостоятельно принимающего решения и отстаивающего свой выбор.

Однако ребенок в три года ощущает излишнюю зависимость от родителей, которые заметно ограничивают его активность. Давление, контроль со стороны взрослых усиливаются, это давление воспринимается, интроецируется ребенком, который находится на пересечении векторов действия двух сил: с одной стороны, это давление родителей, а с другой — необходимость независимости и отделения, связанные с ростом самосознания. Когда действие этих разнонаправленных векторов-факторов становится критическим — возникает кризис. Протестная активность, в свою очередь, провоцирует эскалацию запретов и стимулирует стремление ребенка к эмансипации, самостоятельности и автономии.

Не случайно А. Валлон называет возраст трех-четырёх лет периодом противопоставления, поскольку ребенок начинает испытывать потребность утверждать и завоевывать свою самостоятельность, что приводит к конфликтам с окружающими. В период негативного персонализма Я старается проявиться в демонстративной самостоятельности. Но этот кризис необходим, с этого времени ребенок начинает осознавать свою внутреннюю жизнь [4].

Эмансипация от взрослого служит основой качественно нового типа взаимоотношений ребенка со взрослым. Отмечая раннее стремление ребенка к самостоятельности, Д. Б. Эльконин указывает на возникающее в процессе всего

психического развития детей внутреннее противоречие: «С одной стороны, у ребенка идет процесс возрастания самостоятельности, а с другой — усиливается тенденция к общей жизни и совместной деятельности со взрослыми... всякий шаг в эмансипации от взрослых есть одновременно шаг в сторону все большей и глубокой связи с жизнью общества» [24, с. 114].

Д. Б. Эльконин раскрывает факторы, обуславливающие формирование разных форм эмансипации: в случае если дети не могут самостоятельно найти и установить эту более широкую связь с обществом (со взрослыми), а взрослые не помогают им в этом, внутренние противоречия начинают проявляться во внешнем противопоставлении ребенка взрослым, т. е. взаимодействие приобретает негативную окраску. В случае поддержки взрослыми этого стремления к эмансипации ребенок, подросток и юноша тяготеют к самостоятельности и благополучно осваивают все новые сферы жизни [24].

Существенные аспекты зрелой эмансипации выделены Р. Гоулдом, который определяет процесс взросления как постепенный отказ от детских иллюзий и ложных предположений в пользу уверенности в своих силах и самопринятия. Тогда поведение становится все более самостоятельным и жизненно важные решения определяются смысловой системой индивидуума [28].

Д. А. Леонтьев вслед за Р. Гоулдом связывает эволюцию эмансипации с развитием и оформлением смысловой сферы личности. Отталкиваясь от идеи А. Н. Леонтьева о том, что личность рождается дважды — в возрасте трехлетнего негативизма и в подростковом возрасте, когда возникает самосознание, свои интересы, автор обосновывает следующие виды эмансипации. Первое рождение личности он предлагает определять как операциональную эмансипацию ребенка от взрослого, поскольку она основана на самостоятельной активности и моторной подвижности ребенка. Вместе с тем зависимость ребенка от родителей свидетельствует о подчиненности смысловой сферы ребенка родительскому воздействию и о влиянии семейной атмосферы на смысловые ориентации. С момента второго рождения личности, когда собственная активность субъекта начинает играть ключевую роль в выработке смысло-жизненных ориентаций, личность обретает интенциональную, смысловую эмансипацию, являющуюся последним звеном в последовательном процессе эмансипации от материнского организма и родительской семьи. Д. А. Леонтьев, отмечая качественно иной уровень эмансипации, полагает, что только интенциональная эмансипация позволяет человеку стать самостоятельной, автономной личностью, но для этого необходима «рефлексивная критическая самостоятельная позиция по отношению к другим социальным группам и общностям, членом которых человек является» [12, с. 126]. Рассматривая данную тему, ученый делает важный вывод: последовательная эмансипация от всех форм симбиотической зависимости образует единый вектор личностного развития, на разных его этапах предстающий в разных конкретных проявлениях.

Реакция эмансипации с выраженным протестом против установленных правил актуализируется в подростковом возрасте. В основе эмансипации лежит характерная для подростков потребность в освобождении от контроля и покровительства взрослых, стремление к свободе, самостоятельности и самоутверждению себя как личности. Данная реакция имеет и негативные проявления — непереносимость возражений и критики в свой адрес, нетерпимое отношение к опеке, плохая адаптация к существующим порядкам, законам, традициям [7, с. 60]. Поскольку в свете этого подхода процесс эмансипации смещается в сторону деструктивности, целесообразно выявить факторы, обуславливающие формирование негативных форм эмансипации, вплоть до ее крайних форм.

Э. Фромм предполагает, что общая тенденция к росту, будучи психологическим эквивалентом аналогичной биологической тенденции, приводит к таким специфическим тенденциям, как стремление к свободе и ненависть к угнетению, поскольку свобода — основное условие любого роста. Однако стремление к свободе и независимости может быть подавлено, исчезнуть из сознания индивида, но и в этом случае оно продолжает существовать в потенциальной форме, заявляя о себе сознательной или подсознательной ненавистью [21, с. 238–239]. Указывая на трудности и противоречия процесса эмансипации, Э. Фромм рассматривает этот процесс в терминах невроза — как неудачную попытку разрешить конфликт между непреодолимой внутренней зависимостью и стремлением к свободе.

Феноменология эмансипации активно исследуется в рамках девиантного поведения. Согласно А. Е. Личко, реакции эмансипации, наряду с другими значимыми реакциями, связаны с протестностью личности. Эти реакции возникают на фоне акцентуаций характера, имеют склонность к генерализации и приобретению патологических стереотипов. Автор перечисляет социально-психологические факторы, под действием которых развивается реакция эмансипации: чрезмерная опека со стороны старших, мелочный контроль, лишение минимальной самостоятельности и всякой свободы, т. е. воспитательская гиперпротекция. А. Е. Личко обнаружил, что выраженная реакция эмансипации свойственна смешанному истероидно-неустойчивому типу личности и указывает на психологическую склонность к делинквентности; у гипертимных подростков реакция эмансипации наиболее проявляется в поступках (их сильно тяготит родительская гиперпротекция и мелочный контроль), а у истероидных и шизоидных — в высказываниях [13].

Стремление к эмансипации, характерное для подростков, не исчезает и в юношеском возрасте. Социальный протест молодежи — это попытка построить собственную систему ценностей, чтобы найти новые цели и принципы, которые придадут жизни смысл и направленность. Согласие и сотрудничество с другими ощущается как угроза своей идентичности. В случае, когда протест

обусловлен логикой реализации собственных жизненных задач, ценностями и внутренними смыслами личности, сформированными на основе собственного опыта, можно говорить об обретении интенциональной эмансипации.

Однако зрелый ценностный протест, подготовленный интенционально-смысловой эмансипацией, духовными усилиями, — удел немногих. Большинство молодых людей, будучи инфантильными, погружаются в пучину протеста спонтанно, вдохновляясь не собственными продуманными и выстраданными убеждениями в результате духовной работы, а идеями лидеров (часто деструктивными), т. е. не обладая подлинной самостоятельностью, автономностью и целостностью личности.

Негативные аспекты данной проблемы, эффекты трансформации эмансипации рассмотрели П. Коллиер и Д. Горовиц в работе «Поколение разрушителей». Авторы, удачно используя метафору, проводят аналогию между эпохой молодежного бунта 1960-х гг. и открытым ящиком Пандоры, явившим обществу последствия незрелых и деструктивных форм эмансипации — организованную преступность, повальное увлечение наркотиками среди молодежи, СПИД, субкультуру с ее вседозволенностью, сектантство экстремистской направленности [27].

Обращаясь к феномену свободы, Э. Фромм подчеркивает, что утверждение собственной жизни, роста, свободы предполагает готовность и способность к такому самоутверждению. Однако в большинстве случаев человек еще недостаточно созрел, чтобы быть независимым, разумным и объективным. Право выражать свои мысли имеет смысл только в том случае, если человек способен иметь собственные мысли. Э. Фромм убежден, что «свобода от внешней власти становится прочным достоянием только в том случае, если внутренние психологические условия позволяют нам утвердить свою индивидуальность» [21, с. 201]. Поэтому подлинная независимость — это не просто противопоставление себя чему-то, а преодоление внутренних барьеров, которое реализуется «через любовь и труд, через подлинное проявление своих чувственных, интеллектуальных и эмоциональных способностей; таким образом он может вновь обрести единство с людьми, с миром и с самим собой, не отказываясь при этом от независимости и целостности своего собственного «я»» [21, с. 122].

В результате теоретического обобщения мы пришли к выводу, что феномен эмансипации представляет собой непрерывный процесс и включает в себя широкий спектр психологических понятий — от физического и эмоционального отделения и реакции, протекающей по типу противоборства, до качества личности, ее интенциональной направленности на самоутверждение, независимость и обретение внутренней свободы.

Непрерывная эмансипация, в основе которой лежит осмысленное стремление к самовыражению, самоутверждению себя как личности и освобождению от опеки и симбиотических связей, способна стать ключевым моментом,

стартом в направлении достижения индивидуально конкретизирующейся независимости, самостоятельности убеждений и автономии. Напротив, негативные формы эмансипации, связанные с психологической незрелостью и инфантилизмом личности, с недостаточной духовной работой и неспособностью самоидентифицироваться, приводят к отказу от самоопределения и выбору отрицательных образцов для подражания, обуславливают ее подверженность сомнительными идеологиями, вовлекающим личность в деструктивный, разрушительный протест.

Заключение

Систематизация научных представлений относительно феномена эмансипации личности позволила выделить следующие существенные его компоненты: 1) потребность в автономии и независимости формируется у человека с рождения; 2) являясь имманентной логикой и силой развития, эмансипация позволяет преодолевать изначальную психологическую зависимость; 3) эмансипация как непрерывный активный процесс может эволюционировать от незрелых и эпизодических проявлений к сформированным, зрелым и устойчивым формам (интенциональная эмансипация, автономность); 4) результат эмансипации неоднозначен и обусловлен внешними (воспитательными воздействиями и жизненной средой) и внутренними факторами; 5) реализация собственных эмансипационных тенденций способствует формированию личностных структур и их гармоничному сочетанию; 6) зрелые формы эмансипации способствуют обретению личностной независимости, экспансии собственного масштаба и реализации потенциала; 7) незрелые и невротические формы эмансипации актуализируют деструктивные виды протеста, препятствуют обретению идентичности и целостности личности.

Перспективность исследования эмансипации как формы протеста в разновозрастных выборках не требует подтверждения, особый интерес представляют подростковый и молодежный контингент для раскрытия позитивных и негативных проявлений протеста.

Библиографический список

1. *Бахофен И.* Материнское право // Классики мирового религиоведения: антология. М.: КАНОН+, 1996.
2. *Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.
3. *Боулби Дж.* Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004.
4. *Валлон А.* Психическое развитие ребенка. СПб.: Питер, 2001.
5. *Выготский Л. С.* Проблема возраста // Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т.4.

6. *Гусейнов А.Ш.* Феномен протестного поведения // Человек. Сообщество. Управление. 2012. №2.
7. *Егоров А.Ю., Игумнов С.А.* Расстройство поведения у подростков: клинико-психологические аспекты. СПб.: Речь, 2005.
8. *Дольник В.Р.* Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб.: Петроглиф, 2009.
9. *Козут Х.* Анализ самости. Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. М.: Когито-Центр, 2003.
10. *Комлев Н.Г.* Словарь иностранных слов: [Более 4500 слов и выражений]. М.: ЭКСМО, 2006.
11. *Крайг Г., Бокум Д.* Психология развития. 9-е изд. СПб.: Питер, 2011.
12. *Леонтьев Д.А.* Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, вып. 3.
13. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Медицина, 1983.
14. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое зло): пер. с нем. М., Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994.
15. *Малер М.С., Пайн Ф., Бергман А.* Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2011.
16. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981.
17. Психоанализ раннего детского возраста. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.
18. *Самоукина Н.В.* Симбиотические аспекты отношений между матерью и ребенком // Вопросы психологии. 2000. №3.
19. *Стерн Д.Н.* Межличностный мир ребенка: взгляд с точки зрения психоанализа и психологии развития. СПб: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2006.
20. Уроки французского психоанализа: Десять лет франко-русских клинических коллоквиумов по психоанализу. М.: Когито-Центр, 2007.
21. *Фромм Э.* Бегство от свободы: пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.
22. *Хартманн Х.* Эго-психология и проблема адаптации. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002.
23. *Шниц Р.А.* Психоанализ раннего детского возраста. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.
24. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.
25. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
26. *Bachofen J.J.* Myth, religion, and mother right // Selected writings of J.J. Bachofen/Translated from the German by Ralph Manheim, with a preface by George Boas and an introduction by Joseph Campbell. London: Princeton University Press, 1967.
27. *Collier P., Horowitz D.* Destructive generation: second thoughts about the sixties. New York: Summit Books, 1990.
28. *Gould R.L.* Transformations, growth and change in adult life. New York: Simon & Schuster, 1978.

29. *McDougall J.* Primitive Communication and the use of the Countertransference: Reflections on early psychic trauma and its transference effects. In *Plea for a Measure of Abnormality*. New York: International Universities Press, 1980.
30. *Weinfield N.S., Sroufe L.A., Egeland B., & Carlson E.A.* The nature of individual differences in infant — caregiver attachment. In *J. Cassidy & P.R. Shaver (Eds.), Handbook of attachment*. New York: Guilford Press, 1999.

References

1. *Bachofen I.* Materinskoe pravo // *Klassiki mirovogo religiovedenija: antologija*. M.: KANON+, 1996.
2. *Bozhovich L.I.* Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. M.: Prosveshhenie, 1968.
3. *Bowlby J.* Sozdanie i razrushenie jemocional'nyh svjazej. M.: Akademicheskij proekt, 2004.
4. *Wallon H.* Psihicheskoe razvitie rebenka. SPb.: Piter, 2001.
5. *Vygotsky L. S.* Problema vozrasta // *Sobranie sochinenij: v 6 t.* M.: Pedagogika, 1984. T. 4.
6. *Gusejnov A.Sh.* Fenomen protestnogo povedenija // *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie*. 2012. № 2.
7. *Yegorov A. Ju., Igumnov S.A.* Rasstrojstvo povedenija u podrostkov: kliniko-psihologicheskie aspekty. SPb.: Rech', 2005.
8. *Dolnik V.R.* Neposlushnoe ditja biosfery. Besedy o povedenii cheloveka v kompanii ptic, zverej i detej. SPb.: Petroglif, 2009.
9. *Kohut Ch.* Analiz samosti. Sistematicheskij podhod k lecheniju narcissicheskikh narushenij lichnosti. M.: Kogito-Centr, 2003.
10. *Komlev N.G.* Slovar' inostrannyh slov: [Bolee 4500 slov i vyrazhenij]. M.: JeKSMO, 2006.
11. *Craig G., Baucum D.* Psihologija razvitija. 9-e izd. SPb.: Piter, 2011.
12. *Leontyev D.A.* Lichnost' v nepredskazuemom mire // *Metodologija i istorija psihologii*. 2010. T. 5, vyp. 3.
13. *Lichko A. E.* Psihopatii i akcentuacii haraktera u podrostkov. 2-e izd., dop. i pererab. L.: Medicina, 1983.
14. *Lorenz K.* Agressija (tak nazываемoe zlo): per. s nem. M., Izd. gruppa «Progress», «Univers», 1994.
15. *Mahler S., Pine M.M. and F., Bergman A.* The Psychological Birth of the Human Infant: Symbiosis and individuation. M.: Kogito-Centr, 2011.
16. *Ozhegov S. I.* Slovar' russkogo jazyka. M.: Russkij jazyk, 1981.
17. Psihoanaliz rannego detskogo vozrasta. M.: PER SJe; SPb.: Universitetskaja kniga, 2001.
18. *Samoukina N.V.* Simbioticheskie aspekty otnoshenij mezhdju mater'ju i rebenkom // *Voprosy psihologii*. 2000. №3.
19. *Stern D.N.* Mezhlichnostnyj mir rebenka: vzgljad s tochki zrenija psihoanaliza i psihologii razvitija. SPb: Vostochno-Evropejskij institut psihoanaliza, 2006.
20. Uroki francuzskogo psihoanaliza: Desjat' let franko-russkikh klinicheskikh kollokviumov po psihoanalizu. M.: Kogito-Centr, 2007.
21. *Fromm E.* Begstvo ot svobody: per. s angl. M.: Progress, 1989.

22. *Hartmann H.* Ego-psihologija i problema adaptacii. M.: Institut obshhegumanitarnyh issledovanij, 2002.
23. *Spitz R. A.* Psihoanaliz rannego detskogo vozrasta. M.: PER SJe; SPb.: Universitetskaja kniga, 2001.
24. *Elkonin D. B.* Izbrannye psihologicheskie trudy. M.: Pedagogika, 1989.
25. *Erikson E.* Identichnost': junost' i krizis. M.: Progress, 1996.
26. *Bachofen J. J.* Myth, religion, and mother right // Selected writings of J. J. Bachofen / Translated from the German by Ralph Manheim, with a preface by George Boas and an introduction by Joseph Campbell. London: Princeton University Press, 1967.
27. *Collier P., Horowitz D.* Destructive generation: second thoughts about the sixties. New York: Summit Books, 1990.
28. *Gould R.L.* Transformations, growth and change in adult life. New York: Simon & Schuster, 1978.
29. *McDougall J.* Primitive Communication and the use of the Countertransference: Reflections on early psychic trauma and its transference effects. In Plea for a Measure of Abnormality. New York: International Universities Press, 1980.
30. *Weinfield N. S., Sroufe L. A., Egeland B., & Carlson E. A.* The nature of individual differences in infant-caregiver attachment. In J. Cassidy & P. R. Shaver (Eds.), Handbook of attachment. New York: Guilford Press, 1999.